

аргументация и др.); выражения отношения (радость, разочарование, уверенность/неуверенность, разубеждение); побуждения к действиям (просьба, совет, согласие/отказ и др.).

Речевым материалом выступают диалоги-образцы и тексты, в основу отбора которых положены критерии аутентичности и прагматической заданности коммуникативных стратегий.

Таким образом, подготовка учащихся к межкультурному общению в процессе обучения иностранному языку будет эффективной при условии целенаправленного формирования у них кооперативных, конвенциональных и компенсаторных стратегий коммуникативного поведения как аспекта обучения иностранному языку. Формирование коммуникативных стратегий предполагает усвоение учащимися языковых и социокультурных знаний; навыков использования адекватных ситуации языковых и речевых средств с учетом доминантных черт иноязычного коммуникативного поведения; стратегических, кооперативных, конвенциональных и компенсаторных умений; сфер межкультурного общения, определяющих предметно-тематическое содержание речи; языкового и речевого материала (аутентичных речевых клише, диалогов-образцов и текстов).

Библиографические ссылки

1. Аниськович Н. Р. Обучение учащихся средней школы иноязычному речевому взаимодействию (английский язык) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02. Минск : МГЛУ, 2003. 178 л.
2. Горлатов А. М. Актуальные проблемы межъязыковой коммуникации. Минск : МГЛУ, 2004. 22 с. (Серия : Лекции преподавателей. № 33).
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : Изд-во ЛКИ, 2012. 304 с.
4. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Языки славянских культур, 2009. 516 с.
5. Толмачева Т. А. Методика обучения студентов коммуникативным стратегиям иноязычного речевого поведения в повседневных ситуациях межкультурного общения (языковой вуз, английский язык) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02. Горно-Алтайск, 2009. 243 л.

Чеснокова Е. В. (Минск)

Черты неомифологизма в современной белорусской литературе: Л. Рублевская «Старосветские мифы города Б*»

Взаимодействие мифологии и литературы – актуальная проблема современного литературоведения. Мифологическая критика берет свое начало в англо-американском литературоведении начала XX в. и представлена двумя направлениями: ритуальным (Дж. Фрейзер)

и архетипным (К. Г. Юнг). Однако изучением вопроса о взаимодействии мифа и литературы занималась также семантико-символическая критика структурализма (Ц. Тодоров).

Дж. Фрейзер считается основателем ритуальной ветви. Со временем его концепция стала очень популярной, и у ученого появилось множество последователей и даже учеников, которые впоследствии объединились на базе Кембриджского университета под названием «Кембриджская школа мифокритики».

В основе архетипного направления мифокритики находится концепция швейцарского психолога К. Г. Юнга. Его теория архетипов постепенно начала составлять конкуренцию кембриджской школе, а позже и вовсе практически вытеснила ее.

Мифологический подход к изучению литературных произведений долгое время не использовался в советском литературоведении, так как здесь, во-первых, в большей степени имела место идейная составляющая литературы, во-вторых, доминирующим литературным направлением был реализм и, в-третьих, восприятие и заимствование достижений западных исследователей в области мифокритики были затруднены по многим известным причинам.

Однако литературоведение советского периода в сфере мифологии и фольклористики развивалось самостоятельно благодаря фундаментальным трудам таких исследователей, как Е. М. Мелетинский, Ю. М. Лотман, С. С. Аверинцев, А. Ф. Лосев, В. Я. Пропп, М. М. Бахтин и других. Их авторству принадлежат статьи в двухтомном энциклопедическом издании «Мифы народов мира», в «Славянской энциклопедии», а также во многих других авторитетных научных изданиях. Со временем появились переводы работ ведущих западных мифологов, таких как Р. Барт, М. Элиаде, К. Юнг, К. Леви-Стросс и других.

Предпосылками к возникновению интереса к мифологическим образам и сюжетам в искусстве (в частности в литературе) стали кризис позитивизма, разочарование в аналитических путях познания, критика (возникшая ещё в эпоху романтизма) буржуазного мира как безгеройного и антиэстетического. В возвращении к мифу видели надежду на возврат к «целостному», преобразующеволевому архаическому мироощущению.

Основоположником «неомифологизма» является Вагнер (создатель таких оперных произведений как «Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид», «Гибель богов»), который считал, что народ именно через миф становится создателем искусства, а миф – это поэзия глубоких жизненных воззрений, имеющих всеобщий характер. Миф для Вагнера –

это искусство революционного будущего, преодоление безгеройности буржуазного быта и духа [1].

Характерными чертами неомифологизма в литературе является нарочитая мифологизированность художественных произведений, которая провоцирует отступление от бытовой эмпирии и от четкой временной или географической приуроченности; заимствование композиции традиционного мифа и наполнение ее иным (зачастую противоположным) содержанием; герои литературных произведений сопоставляются с мифологическими персонажами гомеровского эпоса; многочисленные символические мотивы являются модификациями традиционных символов мифологии – первобытной (вода как символ плодородия и женского начала) и христианской (омовение как крещение); мифологические «небожители» изображаются в заведомо сниженном, прозаизированном, уродливом виде.

Например, в сборнике рассказов современной белорусской писательницы Л. Рублевской «Старосветские мифы города Б*» [2], в котором каждая история является трансформацией того или иного древнегреческого мифа, вписанного в контекст реалий белорусского местечка, четко выявляются основные черты неомифологизма. Так, перед каждым рассказом имеется краткое изложение античного мифа, на базе которого он (рассказ) построен, что говорит об изначальной идее автора не маскировать выбранных мифологических героев, а как бы «переодеть» их и поместить в иные реалии с целью создания эффекта пародии, бурлеска и травестии, которые. в данном литературном тексте выражены изменениями на таких уровнях, как сюжетные мотивы и образы героев.

Таким образом, в результате грандиозные и трагические мифологические события становятся абсурдным фарсом, эпические или трагические герои представлены в облике современных мещан, преследующих низменные эгоистические цели. По замыслу автора, боги и герои обитают «в этом несовершенном мире». В частности, история о вечной и трагической любви Орфея и Эвридики интерпретирована так, что героиня, воплощающая образ Эвридики, сама сбегает от своего Орфея. В конкретно взятом рассказе автор изобразила Орфея в образе местечкового жителя пивовара Стася Гарбузака. Этот герой абсолютно обычный молодой мужчина, не обладающий никакими талантами: он не играет на музыкальных инструментах, не поет, не пишет стихов и, по всей видимости, не слишком образован. Об этом свидетельствует тот факт, что Стась искажает фамилии писателей Байрона и Шиллера, называя их «Баран» и «Шулер». Загробный мир здесь представлен

театральной средой, то есть миром лицедейства, притворства и обмана, откуда Стась хочет спасти Ксению [2].

В другом рассказе этого сборника «Артемиды и Актеон» Актеон – это «пьянтос Чаратила», который «был по обыкновению пьян» и который по причине своего нетрезвого состояния перепутал купающуюся в пруду Артемиду (здесь вода как символ плодородия и женского начала) – «панну Констанцию, владелицу богатой родовой усадьбы на окраине города Б*» с огромной уткой [2]. В рассказе «Вознесение Ганимеда» Ганимед – это сын владельца корчмы, переехавший в Москву к родственнику своей матери, который помог ему стать официантом в ресторане, где сам работал метрдотелем (таков образ современного Юпитера) [2]. Всего в сборнике двенадцать рассказов, каждый из которых представляет собой необычную интерпретацию того или иного древнегреческого мифа.

В рассказах нет информации о том, где и когда разворачиваются описанные события, читатель может лишь предполагать это, основываясь на имеющихся в тексте культурных маркерах (например, «рубашки-вышиванки», «яблоневые сады», «церковки», «костелы», «три кладбища – православное, католическое и еврейское» и многое другое [2]).

Все периоды развития литературы от античности до постмодернизма характеризуются своеобразным преломлением мифа, по этой причине нельзя утверждать, что интерес к мифу пробудился внезапно, имеет место лишь новая волна интереса к мифу, его переосмысление. Литературный миф интересен тем, что он способствует безграничному расширению сюжета за пределы времени и пространства, использованию вневременных ценностей и установок, а также дистанцированию от социальной конкретики.

Тенденции к использованию черт неомифологизма проявились наиболее ярко в эпоху модернизма. Наиболее известными примерами подобных литературных произведений являются «Улисс» Дж. Джойса, «Волшебная гора» Т. Манна, «Процесс» Ф. Кафки, «Сто лет одиночества» Г. Г. Маркеса и многие другие.

В белорусской литературе примерами произведений, имеющих в своей основе мифологические или библейские сюжеты и образы, однако с некоторой особенностью, то есть представленные в пародийном ключе, с элементами бурлеска и травестии являются «Вознесение Христово», написанное неизвестным автором еще в конце XVIII в., в котором в преувеличенно комичном виде представлена библейская история; «Энеида наизнанку» В. П. Ровинского, написанная на основе первой песни «Энеиды» Вергилия: здесь белорусская

реальность смешивается с древнеримской, а боги и герои становятся крестьянами и ведут себя в соответствии со своим положением и обстоятельствами; «Тарас на Парнасе» К. В. Вереницына: автор сделал возможным пересечение разных эпох (Греческая и Римская Античность и XIX в.) [3].

Однако неомифологизм стал весьма распространенным явлением именно в литературе XX ст., а все вышеперечисленные произведения стоят у истоков традиции использования мифологических образов и сюжетов в белорусской литературе, современным же продолжением данной традиции является сборник рассказов Л. Рублевской «Старосветские мифы города Б*».

Библиографические ссылки

1. Лотман Ю. М. Литература и мифы // Мифы народов мира : Энциклопедия. М., 1980. Т. 1. С. 220–226.
2. Журнальный мир [Электронный ресурс] // Единый ресурс русскоязычных литературных журналов и альманахов. Режим доступа : <http://журнальныймир.рф/content/starosvetskie-mify-goroda-b>. Дата доступа : 06.03.2019.
3. Лебядзевіч Д. М. Традыцыі антычнай пародыі ў беларускай літаратуры (матэрыялы ў дапамогу настаўніку) [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <https://elib.grsu.by/katalog/604727pdf.pdf?d=true>. Дата доступу: 01.03.2019.

Чжан Аньци (Минск)

Интернет-мемы как источник сетевого сленга (на материале китайского языка)

Интернет – безграничная сеть, дающая возможность практически мгновенно соединиться людям в любой точке земного шара, – стал неотъемлемым элементом сегодняшней жизни. Несомненно влияние Интернета не только на повседневную жизнь человека, но и на язык. В частности, именно Интернет порождает такое новое интересное языковое явление, как сетевой сленг.

Сетевой сленг восходит к разнообразным источникам, и среди них – интернет-мемы, которые приводят к появлению интернет-сленгизмов. Как известно, интернет-мем – это «информация в той или иной форме, как правило, остроумная и ироническая, спонтанно приобретающая популярность, ... это любые высказывания, картинки, видео или звукоряды, которые имеют значение и устойчиво распространяются во Всемирной паутине» [1].

В нашем докладе рассматриваются такие интернет-мемы, в которых присутствовал языковой элемент. Именно они и могут быть источником сетевого сленга, в частности в китайском языке. Тем самым целью